

Сколько храмов нужно Москве?

Храм Николая Чудотворца, что в Заяицком

В современной Москве не утихают споры: сколько храмов нужно для великого города? Скептики говорят, что их уже и сейчас более чем достаточно. Но Церковь считает иначе: для каждого микрорайона, а в идеале – для каждого квартала должен быть построен отдельный храм. Родилось даже знаковое словосочетание: «храм пошаговой доступности». У этой точки зрения имеется немало сторонников. Действительно, если в центре Москвы общее число храмов довольно значительно – в основном за счет сохранившихся старых церквей, – то жителям спальных районов приходится добираться до храма полчаса, а то и целый час.

Кто прав?

Очевидно, чтобы ответить на этот вопрос, стоит взглянуть в церковный быт прежних времен.

Те же самые скептики, не желающие возведения новых церквей, являют: большинство москвичей и приезжих могут-де считаться православными только по названию. Церковь они посещают редко, о причастии знают лишь в теории, праздников не помнят, посты не соблюдают, и в целом их образ жизни ничем не выдает в них верующего человека. Люди глубоко воцерковленные именуют их не без ехидства: «захожанами». Да, Церковь сейчас, к сожалению, далеко не всегда признают нравственным авторитетом даже те, кто считает себя православными. Но ведь и раньше были времена крайнего неблагополучия для нашей Церкви – времена, когда ее влияние на прихожан было минимальным. Так, большими потерями и тяготами обернулось для Русской Православной Церкви XVIII столетие. Неужели храмы, украшавшие Москву, во множестве сделались тогда ненужными?!

В начале XVIII века Церковь была обезглавлена: у нее отняли патриарха, место которого заняло светское учреждение – Синод. Одновременно ей были навязаны чиновничьи функции: отныне священники не только отправляли богослужебные обязанности, но и вели учет православного населения, а также выявляли скрытых староверов. На протяжении нескольких десятилетий священников массово забривали в армию; доходило до того, что многие храмы стояли «впусте» и «без пения» – в них некому было проводить службу. Проводились масштабные гонения на монастыри и на монашествующих. А во второй половине столетия Церковь и вовсе лишилась большей части своего имущества. У нее отняли земли, сократили число монастырей, а оставшиеся обители подвели под «штаты», то есть, фактически, определили размер государственного жалования монашествующим.

При столь страшном унижении, которому Церковь подвергалась со стороны государства, ей трудно было сохранить авторитет среди верующих. В XVIII веке их число резко упало – по сравнению даже со второй половиной XVII столетия, когда раскол поделил тело Церкви на две неравные части. Многие дворяне, в особенности сановитые аристократы, ходить в приходской храм почитали зазорным. В лучшем случае они, идя против закона, заводили домовую церковь и содержали при ней штат священно- и церковнослужителей. В худшем – формально считаясь православными, ударялись в атеизм или масонство. Здесь немалую роль сыграла массовая секуляризация сознания, пришедшая в Россию с Запада и поразившая верхушку русского общества. Но не лучше обстояло дело и в низах, которые западного влияния

не испытали. Деревни и города наполнились скрытыми и «записными» староверами, с выявлением и вразумлением которых ослабевшая Церковь просто не справлялась. Даже в Москве система выявления «скрытых раскольников», заведенная в конце 1730-х, начала худо-бедно работать... не ранее 1770-1780-х годов. Помимо раскола то тут, то там народ соблазняли представители разнообразных сект. Не зря православные публицисты рубежа XIX-XX веков почитали Петровскую эпоху временем, когда начался упадок православного прихода¹.

Иными словами... русской Церкви в XVIII столетии было плохо. Ей было хуже некуда. Возникает вопрос: сколько же храмов в Первопрестольной насчитывалось в эти тяжелые времена? Ответить на него позволяют архивные материалы.

В XVIII веке существовало два уровня церковно-административного деления Москвы. Низший уровень составляли приходы, высший – сороки. Из шести существовавших в это время сороков лишь самый маленький, Ивановский, в иные годы включал не более десятка приходов. Остальные насчитывали в среднем около 40-50-ти приходов. То есть в середине XVIII столетия на территории Москвы, которая была ограничена Камер-Коллежским валом (ныне кольцо улиц, следующее за Садовым кольцом, на уровне Сущевского вала), располагалось около 230 приходских церквей. Это намного больше, чем сегодня!

Официальный сайт Отдела внешних церковных связей РПЦ сообщает, что в 2010 году «Общее количество храмов и часовен в епархии града Москвы – 837. Однако только в 271 регулярно совершается богослужение, что относит столицу на последнее место среди регионов Российской Федерации по соотношению количества храмов с численностью этнически православных жителей». Итак, на всю Москву начала XXI столетия – лишь 271 действующий храм против 230-ти для середины XVIII века (и только в центре города, если смотреть на современную карту Москвы)! Мизерное прибавление, если учесть, что территория Москвы за два с половиной столетия увеличилась в добрый десяток раз.

Впрочем, приведенных цифр едва ли достаточно. Для большей наглядности следует присмотреться: каково было в XVIII столетии соотношение между числом православного населения – и количеством храмов. Сделать это удобно на примере двух московских сороков: Замоскворецкого и Никитского. На территории Замоскворецкого

¹ Папков А.А. Упадок православного прихода (XVIII-XIX века): Историческая справка. М., 1899; Заозерский А.Н. Что есть православный приход и чем он должен быть // Богословский вестник. 1911. Т. 3. С. 523-562, 653-687. 1912. Т. 1. С. 319-350.

сорока проживала значительная часть московского купечества и представители низших городских сословий, а также не слишком родовитое дворянство. Никитский же сорок был местом сосредоточения аристократических семейств.

Вниманию читателя предлагается то состояние сороков, которое прослеживается по документам далеко не самого благополучного для Русской Церкви 1762 года².

Замоскворецкий и Никитский сороки простирались на огромном пространстве. Замоскворецкий сорок обнимал южную часть Земляного города и выходил за его пределы. Границы сорока на западе, севере и востоке очерчивала Москва-река, на юге он доходил до уровня Камер-Коллежского вала. Никитский сорок захватывал западные и северо-западные части Белого города и Земляного города и протягивал два длинных языка за пределы Земляного вала: на север и на запад, вдоль оживленных дорог (один из северных приходов – церкви Рождества Богородицы в Бутырках – располагался за пределами Камер-Коллежского вала, т.е. фактически за городской чертой). На востоке граница Никитского сорока шла по реке Неглинной, на юге – по Арбату, на западе доходила до Трехгорного, Пресненского и Грузинского валов, на северо-западе – до Миусов, а на севере выходила за пределы Бутырского и Сущевского валов. На землях, занимаемых Никитским и Замоскворецким сороками, находилось около 40 % всех московских храмов. А значит, по их состоянию можно судить о состоянии церковного мира Москвы в целом.

В 1762 году Замоскворецкий сорок включал не менее 38 приходских церквей. На примыкавшей к ним территории в 1,705 дворах проживало 15,939 человек. Иными словами, в среднем на один храм приходилось 45 дворов и 419 прихожан, а на один двор – 9-10 человек.

Соотношение числа храмов с числом приходских дворов и количеством прихожан зависело от того, в каком районе сорока находилась та или иная приходская церковь.

Как и сегодня, наибольшее число храмов (27) сосредотачивалось в центре города, где застройка была плотнее. К окраинам, где строения стояли более свободно, число

² Хотя первые попытки составления исповедных ведомостей в Москве пришлось на конец 1710-х годов, единый порядок их составления и формуляр были введены лишь в 1737 году; этим же годом датируются наиболее ранние из сохранившихся документов. Священникам, на чьи плечи легла обязанность составлять эти ведомости, понадобилось не менее десятилетия, чтобы привыкнуть к новой обязанности и вовремя подавать составленные документы в высшие инстанции. Из-за нерасторопности духовенства или его нежелания вести учет населения, исповедные ведомости XVIII столетия почти никогда не охватывают всех входивших в сорок приходов; хуже всего дело обстоит с самыми первыми исповедными ведомостями: в них пропусков больше, чем в последующих. К 1762 году документы начинают составляться более тщательно и с меньшим количеством упущений, хотя в них все еще нет той степени полноты, которая появится во второй четверти XIX столетия.

храмов уменьшалось (7 церквей за пределами Земляного города, еще 6 – между Москвой-рекой и Водоотводным каналом); при этом число дворов в центральном приходе было, как правило, невелико. В центре преобладали малодворные (включавшие менее 50-ти дворов) приходы, в то время как средневдворные (от 50-ти до 100) составляли редкость, а многодворные (100 и более) не встречались вовсе. К примеру, к приходу церкви Иоакима и Анны в Кадашеве было приписано 25 дворов, где проживало 169 человек (или 1,4 % дворов сорока и 1,1 % его жителей). Соответственно, на окраине, где церквей было немного, приход насчитывал в среднем больше дворов и больше прихожан, нежели приход центральный. Именно здесь, за территорией Земляного города, находились два наиболее многодворных и, одновременно, самых густозаселенных, прихода сорока. Это приходы церквей Всех Скорбящих Радости в Коломенской Ямской слободе и Ризы Положения Господней за Калужскими воротами. Оба они были расположены возле оживленных торговых магистралей. Скорбященский приход включал 143 двора и 763 человека (8,4 % дворов и 4,8 % жителей сорока), а Ризоположенский – 118 дворов и 1,342 человека (6,9 % дворов и 8,4 % жителей).

Много это или мало?

Что ж, переведем эту сухую цифирь на язык современности.

В типичной московской четырехподъездной «хрущевке» насчитывается 80 квартир (5 этажей, на каждой лестничной клетке – по 4 квартиры). Если предположить, что в каждой квартире проживает по 3 человека, окажется, что в одном доме этого типа проживает 240 человек. Получается, что *священники, служившие в самых многолюдных приходах Замоскворецкого сорока, обслуживали количество людей, равное числу жителей... четырех-шести хрущевок.*

Что уж говорить о небольших приходах, преобладавших на огромной части города! *Из 38 замоскворецких приходов 9 (почти четверть) обслуживали по отдельности меньше населения, чем живет в одной хрущевской пятиэтажке!* Еще 16 было рассчитано на население двух хрущевок, 8 – трех, и только к оставшимся 5-ти принадлежали жители четырех- (4 прихода) и шестиэтажных (1 приход) домов советской эпохи. Стоит ли говорить, что из этих пяти приходов четыре находилось в той части города, которую сегодня назвали бы «спальным районом», а один – на границе между таким «спальным» районом и центром.

Иными словами, в середине XVIII века, когда Церковь находилась в крайне тяжелом состоянии, один-два приходских священника могли влиять на умы весьма обозримого количества прихожан.

Так было на территории Замоскворечья. Как же обстояли дела в Никитском сороке?

В 1762 году Никитский сорок включал подворья трех монастырей и приходы 44 церквей. Здесь насчитывалось 1,547 дворов и проживало 16,850 человек. В среднем на один храм приходилось 33 двора и 358 человек, а на один двор – около 11 человек. Как и в Замоскорецком сороке, распределение храмов по территории было неравномерным. В центре, на территории Белого города – 30 храмов, в Земляном городе – 14, и на окраине, за пределами Земляного вала – 11. Малодворных приходов здесь 38, то есть еще больше, чем в Замоскворецком сороке, среднедворных – 8, и всего один приход насчитывает более 100 дворов.

На окраину приходится 4 среднедворных прихода, а также 1 многодворный – он же самый густонаселенный. Это – приход церкви Василия Великого в Тверской Ямской слободе. В его 187 дворах (составляющих 12 % всех дворовладений Никитского сорока) проживает 1,300 человек (7,7 % населения сорока). Иными словами – столько, сколько живет в неполных шести хрущевках. Еще в 1 приходе насчитывается четыре хрущевки (от 721 до 960 человек), в 10 – по три (от 481 до 720-ти), в 18-ти – по две (от 241 до 480-ти) и, наконец, в 17-ти – всего одна (240 и менее человек).

Факты – упрямая вещь.

Да, Россия прошла через длительную эпоху государственного атеизма. Но она вот уже два с лишним десятилетия испытывает христианский Ренессанс. Происходит, как говорят современные публицисты, «Второе крещение Руси». У Церкви есть свой патриарх, работают семинарии, духовные академии, священники и епископы выступают в прямом эфире ТВ, в стране существует множество православных издательств и православных масс-медиа. Так неужели христианская культура москвичей сейчас несравнимо ниже, чем в XVIII столетии?! Вряд ли. Скорее, проблема в другом: маленькая, «камерная» Церковь, дозволенная советской властью, просто не успевает за ростом православного мира в России. Число прихожан растет, как растет тело здорового молодого человека, а число храмов все еще ничтожно мало. Вот и выходит, что молодца заставляют ходить в детских одежках... И так будет, пока у нас один храм приходится на множество улиц с десятками, а то и сотнями домов, пока православные москвичи не располагают хотя бы одной церковью на пяток «хрущевок»

– по «минимальной ставке» печально-памятного XVIII века. Тогда и количество «захожан» снизится, и духовное просвещение обретет солидную основу, и приходской люд получит полноценную возможность общаться с батюшками столько, сколько душа требует.

Нам еще растить и развивать храмовую сеть российской столицы, пока она не достигнет естественной нормы. С этой точки зрения XVIII век – наше светлое будущее.

АННА ФЕДОРЕЦ